

II. Дискуссия: фашистская опасность в современной России? (Часть первая)

Александр Янов

История одного отречения: почему в России не будет фашизма

Началась эта статья, по сути, со звонка из журнала *Сноб* (есть сегодня в Москве такое роскошное издание для очень, скажем так, зажиточных читателей глобальной, как рекомендует её редакция, России, столицами которой являются помимо Москвы еще и Лондон, и Париж, и Нью-Йорк). Один из шеф-редакторов *Сноба*, замечательно толковая молодая женщина (назовём её здесь для краткости Е.Е.) объяснила, что в связи с происходящей сегодня, по её мнению, фашизацией России познакомилась она, между прочим, и со старой моей пятнадцатилетней давности книгой *После Ельцина: «Веймарская» Россия*¹. И неожиданно нашла, что именно я был, оказывается, первым в мировой литературе, кто еще в 1995 году опубликовал эту ошеломляющую гипотезу, предсказав тем самым нынешнюю «веймаризацию» России. Вторыми, как она выяснила, были лондонская профессорша экономики Бриджит Гранвиль и известный гарвардский историк Ниалл Фергюсон - но они на два года опоздали².

Нет слов, я был польщен столь неожиданным первенством. И все-таки пришлось мне разочаровать милую собеседницу. Не знаю как Фергюсон, но я публично признал свою ошибку – в первом же томе своей только что вышедшей в Москве трилогии *Россия и Европа. 1462-1921*³. Нет, чистосердечно признался я Е.Е., я давно уже не думаю, что Россия 1990-х была «веймарской» и уж тем более, что «веймаризуется» она сейчас. Можно сказать, что я отрёкся от собственной мрачной гипотезы, пусть и разлетелась она уже по миру, став, похоже, сегодня вполне тривиальной.

¹ Янов А. После Ельцина: «Веймарская» Россия. М.: КРУК, 1995.

² Гранвиль Б., Фергюсон Н. Современная Россия и Веймарская республика: высокая инфляция и политический кризис // Вопросы экономики. 1997. № 5. С. 53-70.

³ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921. В 3 тт. М.: Новый хронограф, 2007-2009.

Аргументы против отречения

Честно говоря, я полагал, что мое отречение обрадует Е.Е. А она ужасно расстроилась. И тотчас стала темпераментно мне объяснять, почему отрекаюсь я от своей гипотезы зря, поскольку прав я был именно тогда, пятнадцать лет назад... Её аргументы выглядели на первый взгляд внушительно и заслуживают воспроизведения.

«Может быть», – настаивала Е.Е., – «Вы не в курсе дела, но всякий, кто читает российскую прессу, знает, например, о ежемесячных докладах информационно-аналитического агентства "Сова", неопровержимо свидетельствующих как раз о том, что Ваше предсказание сбывается.»

В частности, в сегодняшней России действительно существуют десятки, если не сотни, неонацистских организаций и число жертв ксенофобии и расизма несчетно. Тысячи людей покалечены, а многие и убиты – только за неславянский разрез глаз или цвет кожи. А десятки актов вандализма на еврейских кладбищах? А «Русские марши», участники которых дружно поднимают руки в нацистском салюте? А уже начавшаяся уличная война между нацистами и антифашистами? Как Вы все это назовёте, если не «веймаризацией» России?

Еще тревожнее настроения в обществе, тем более, в среде творческой молодёжи, среди художников, писателей, режиссеров, дизайнеров, тонкой, политически чувствительной публики. Ну вот примеры. Недавно получил самую, пожалуй, престижную в художественных кругах Премию Кандинского Алексей Беляев-Гинтовт, мастер тоталитарной эстетики, евразиец, последователь Александра Дугина – Вы ведь не станете отрицать, что Дугин фашист⁴? А вот другой лауреат, на этот раз премии «Национальный бестселлер», писатель, национал-большевик Захар Прилепин, воспевающий добродетели Северной Кореи. «Пусть лучше страна будет закрытой,» – говорит он, – «лишь бы не начала сыпаться».

Если и этих примеров недостаточно, вот вам еще один. Тоже писатель и тоже лауреат («Русского Букера») Михаил Елизаров. Послушайте, как он публично делится своим мироощущением. Оказывается, жить ему хочется в «молчаливой, суровой, сумрачной, угрюмой, насупившейся России, русской империи зла». И словно развивая эту устрашающую тему, юный дизайнер Гоша Рубчинской вызывающе называет свою первую инсталляцию *Империя зла*, провозглашая: «Пусть лучше нас боятся, чем завоевывают».

⁴ О Дугине как фашисте: Shekhovtsov A. The Palingenic Thrust of Russian Neo-Eurasianism: Ideas of Rebirth in Aleksandr Dugin's Worldview // Totalitarian Movements and Political Religions. 2008. Vol. 9. No. 4. P. 491-506.

Аналогия с предреволюционной Россией

Но и на этом страстный монолог Е.Е. не заканчивается. И ведь правда, не на пустом же месте возникла вся эта плеяда новоиспеченных и свирепо антизападных лауреатов. Должен быть спрос на такой товар. И он есть, этот спрос. Да еще какой! «Точно так же, как накануне революции 1917 г., много влиятельных и денежных людей поддерживали большевиков». «И черносотенцев, между прочим, тоже,» – вклиниваюсь я в затянувшийся монолог, – «представьте себе, вдова известного издателя мадам Полубояринова внесла в кассу Союза русского народа 150 тысяч рублей – огромные по тем временам деньги.» Как бы то ни было, продолжала, не сбиваясь, собеседница, нынешняя культурная элита подкармливает, выражает сочувствие и всячески солидаризируется с откровенно националистическими художниками слова и кисти.

И тут опять выстрелила в меня Е.Е. целой серией неожиданных примеров. «Гинтовта покупает одна из самых модных и стильных дам Москвы Ольга Слуцкер, а также известный бизнесмен Шалва Бреус. Прилепину звонят с изъяснениями в любви телеведущие Тина Канделаки и Тутта Ларсен и даже сам Олег Павлович Табаков. Читатели Елизарова – Андрей Макаревич, актер Владимир Вдовиченко, актриса Евгения Симонова, депутаты, члены партии власти "Единой России". Прилепина хвалит пресс-секретарь президента Медведева. Галерист Гинтовта в частных разговорах сообщает, не стесняясь, что у него в галерее все художники – фашисты. Короче, имперский национализм в моде, "империи зла" больше не стыдятся, она предмет ностальгии и гордости – даже в глазах тех, кто готовил её падение. Разве не это Вы предсказывали в 1995-м? Так почему же Вы отрекаетесь от собственного сбывающегося прогноза?»

«Патриотическая истерия»

Пришлось объясняться. Все-таки речь шла об интервью солидному и влиятельному журналу, в читателях которого состоят как раз те самые люди, что восхищаются Прилепиным и покупают Гинтовта. Объяснение мое состояло из двух частей.

1. Да, грозный всплеск имперского национализма и впрямь был после Ельцина неизбежен. Крушение четырехсотлетней империи и – что для России, может быть, не менее важно – внезапная утрата пусть утопической, но великой национальной цели не могли не сопровождаться тем, что назвал я в трилогии «патриотической истерией» (или, если хотите, «предвеймарской ситуацией»)⁵.

⁵ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921.

Только подобные истерии вовсе не новость для России. Множество таких нелепых и опасных ксенофобских манифестаций, возникавших и по куда менее значительным поводам, подробно описаны в трилогии. Началось это еще в 1805 году, когда русская армия потерпела разгромное поражение при Аустерлице. Тогда тоже священники возглашали анафему Наполеону как Антихристу, барышни являлись на балы в кокошниках, в великосветских салонах штрафовали за разговоры по-французски и столичные люмпены пытались громить дома иностранцев.

И поверьте, для историка русского национализма предсказать очередную «патриотическую истерию» после Ельцина было нетрудно. Никудышный был бы я историк, когда б не предвидел именно то, что Вы сейчас описываете.

2. Только предсказывал-то я в своей старой книжке вовсе не патриотическую истерию, но «веймарскую Россию». Другими словами, приход к власти в Москве после Ельцина агрессивной диктатуры, столь же непредсказуемой, как сегодняшний Иран, и столь же закрытой от мира, как Северная Корея, но контролирующей, в отличие от них, горы ядерного оружия.

Предсказывал я режим, возглавляемый экзальтированным харизматическим лидером, открыто провозгласившим на весь белый свет, подобно своему предшественнику, что-то вроде этого: «либо Германия снова будет мировой державой, либо ее вообще не будет»⁶. Причем, лидером, вдохновленным идеологией ультранационализма, достаточно популярной, чтобы увлечь за собою большинство нации. Режим, иначе говоря, готовый, как в гитлеровские времена в Германии, противопоставить страну миру.

Я понимаю, что такое определение русского фашизма (и тем более того, что в научной литературе именуется «genetic fascism» - «родовой фашизм»⁷) так же неполно, как и любое другое. Но все-таки именно такую диктатуру и призвана была описать гипотеза «веймарской России».

Похож ли, однако, на такую диктатуру сегодняшний режим в Москве? Согласитесь, что при всех свинцовых мерзостях, которые Вы описали, не похож. Прежде всего потому, что вовсе не вдохновлен идеологией ультранационализма – а это, как мы помним, один из первоэлементов фашизма. Честно говоря, не вдохновлен этот режим вообще никакой идеологией. Если, конечно, не считать вполне прагматическую её имитацию, которую лучше всего, наверное, назвать «управляемым национализмом» (и из которой, собственно, и происходят – большей частью непредвиденные самим режимом – описанные Вами мерзости).

⁶ Цит. по: Davies N. Europe: A History. Oxford: OUP, 1996. P. 548.

⁷ Обзор соответствующей литературы в: Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. Т. 4. № 1. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/8UmlandRezension.pdf>>.

Право, неудивительно, что народ отвечает на эту идейную беспомощность режима коллективной апатией, чтоб не сказать массовым политическим ступором (по данным социологических опросов на выборы в октябре 2009-го явилось немногим больше 20% избирателей)? Мыслимо ли сравнить это с раскаленной атмосферой преднацистской Германии, где не 20%, а 80% граждан с энтузиазмом шли к избирательным урнам едва ли не каждый год? Немудрено: там на кону стояли жизнь и смерть. А здесь что? Привычная рутина режима «управляемого национализма», монополизировавшего информационное пространство страны, где в результате важно не то, как проголосовали избиратели, а то, кто подсчитывал их голоса?

Добавьте, что не может этот режим вернуть своему народу какую бы то ни было историческую цель – ни первенство в мире, обещанное Сталиным (и Гитлером), ни, если взять другую крайность, европейские стандарты жизни, по которым народ и впрямь тоскует. Это ли веймарская Россия? Нет, не способен такой режим ни на что, кроме как развязать еще одну «патриотическую истерию».

Да и та по меркам русской истории XIX-XX веков выглядит, пожалуй, безнадежно маргинальной. Один пример объяснит вам, я надеюсь, решающую разницу. Панславистская истерия середины 1850-х сумела, например, втравить Россию в несчастную Крымскую войну, а великая «балканская истерия» 1905-1917 – даже в катастрофическую для неё Мировую. Но на что может толкнуть страну нынешняя истерия? На пятидневную войну с крошечной Грузией, всё население которой свободно разместилось бы в двух-трех микрорайонах Москвы? Просто сопоставьте эту локальную стычку с мировой войной – и разве не бросится вам в глаза маргинальность сегодняшней «патриотической истерии»?

Искушение сверхдержавностью

«Но если так,» – пылко возразила собеседница, – «то откуда вообще взялась тогда Ваша знаменитая гипотеза? Откуда веймарская Россия?» Вот это уже и впрямь серьезный вопрос, который далеко выходит за рамки всего, о чем мы до сих пор говорили. Не разобравшись в нём подробно, документально, чтоб не сказать дотошно, действительно невозможно понять ни смысл 1990-х, ни тем более суть сменившего их путинского режима. Невозможно, короче говоря, понять, в чём коренилась ошибка.

Начнём с того, что рождалась гипотеза в стране, совсем непохожей на нынешнюю, в другой, можно сказать, России. И атмосфера в той, другой России и впрямь была, как мы скоро увидим, столь же раскаленной, что и в преднацистской Германии. Существовала в ней, например, могущественная «партия реванша», готовая развязать гражданскую войну во имя возвращения России статуса мировой держа-

вы. Существовали конкурирующие между собой ультранационалистические идеологии. Было несколько претендентов на харизматическое лидерство – еще один первоэлемент «национальной революции» (псевдоним фашистского переворота). Короче, все было точно так, казалось, как в преднацистской Германии. Только кончилось это всё, в отличие от Германии, пшиком. Тем, что мы имеем сегодня. Почему?

Вот этот вопрос – и только он – действительно заслуживает детального обсуждения. Так что наберитесь терпения. Впрочем, у меня тоже есть примеры, доступные любому школьнику. Вот хоть первый.

В 2009 году один из героев нашего интервью, писатель-лауреат Захар Прилепин, подал в суд на журналиста, назвавшего его фашистом. В 1993 году Александр Баркашов, лидер Русского Национального Единства (РНЕ)⁸, совершенно согласный с Прилепиным, что «русская нация превышает всех остальных наций», тем не менее с гордостью провозглашал тогда в следующей же фразе: «Мы считаем себя национал-социалистами или, как говорят на Западе, наци»⁹. Почувствуйте, как говорят в Одессе, разницу.

Баркашов, конечно, жив и здравствует поныне (он даже пытался как будто бы баллотироваться в одном из районов Москвы на октябрьских выборах 2009), но ничего даже отдалённо напоминающего то, что он с апломбом утверждал в том майском интервью 1993-го, произнести он сегодня попросту не посмеет. Напротив, наверняка надеялся на короткую память избирателей.

Так или иначе, сейчас он персонаж маргинальный. Тогда, однако, стоял он в центре событий. Именно чернорубашечники РНЕ оказались боевой гвардией Верховного Совета во время октябрьского мятежа 93-го. Именно его снайперы стреляли с крыш по толпе у Белого дома.

«Час X»

Но давайте по порядку. В конце 1992 года мне довелось беседовать и с идеологом тогдашней «партии реванша» Сергеем Кургиняном¹⁰ и с одним из её выдающихся политиков Владимиром Жириновским¹¹. И, удивительное дело, сообщили они мне,

⁸ Об РНЕ см.: Лихачев В., Прибыловский В. Русское Национальное Единство 1990-2000. В 2 тт. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2005.

⁹ Интервью с Баркашовым 7 мая 1993 г.

¹⁰ О Кургиняне см.: Bellis P., Jeff Gleisner J. After Perestroika: A Neo-Conservative Manifesto // *Russia and the World*. 1991. No. 19. P. 1-7.

¹¹ О Жириновском см.: Umland A. Zhirinovskii as a Fascist: Palingenetic Ultra-Nationalism and the Emergence of the Liberal-Democratic Party of Russia in 1992-93 // *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*. 2010. Vol. 14. No. 2. P. 189-216.

не сговариваясь, одно и то же. Вот, в чем уверял меня Кургинян: «В марте-апреле следующего года национально-освободительное движение будет у власти»¹². Жириновской в обычной своей безапелляционной манере вторил: «В марте в России будет другой политический режим, к власти придут патриоты»¹³. Короче, «час X» был назначен открытым текстом.

Первый в 93-м году номер прохановской газеты *День* открывался «Новогодним словом» главного редактора¹⁴: «Год, в который мы шагнули, запомнится нам как год потрясений и бурь, год сопротивления и победы, физической, во плоти, ибо победу нравственную мы уже одержали»¹⁵.

Второе Всеармейское офицерское собрание 93-го года настроено было не менее воинственно. Оно объявило о создании «армии народного спасения» и приняло «Предостережение правительствам недружественных стран и претендентам на мировое господство». Говорилось в нём, между прочим, вот что: «Мы не станем мириться с теми, кто тянет свои руки к нашим богатствам. Эти руки мы отобьём. Мы знаем о ваших планах. Всей авиации мира не хватит, чтобы вывозить с нашей земли трупы ваших солдат»¹⁶.

Два слова о мифах

Это маленькое отступление необходимо, чтобы сделать угрозы Всероссийского офицерского собрания понятными сегодняшнему читателю. Первый миф мы уже цитировали. Офицеры были совершенно уверены: всё, что происходит в России, затеяно Западом, причем исключительно для того, чтобы её ограбить. Второй миф еще любопытнее. Гласил он, что Запад держится на плаву исключительно тем, что грабит Россию.

Вот официальный политический документ, озаглавленный *Отвечает оппозиция* и суммирующий смысл этого мифа: «Не все знают, что экономика США и крупнейших стран Запада переживает тяжелый кризис. Сейчас она держится за счет энергетических и сырьевых ресурсов России, перекачиваемых на Запад по бросовым ценам... За период деятельности правительства Гайдара Россия через поставки дешевого сырья сделала вливание в экономику Запада в размере 40-45 миллиардов дол-

¹² Стенограмма беседы с С.Е. Кургиняном.

¹³ Стенограмма беседы с В.В. Жириновским.

¹⁴ Об Александре Проханове см.: Simonsen S.G. Aleksandr Prokhanov: The Last Soldier of the Empire // idem. Politics and Personalities: Key Actors in the Russian Opposition. Oslo: PRIO, 1996. P. 91-108.

¹⁵ *День*. 1993. 1-9 января.

¹⁶ Цит. по: Новое время. 1993. № 25. С. 13.

ларов... Россия спасает экономику Запада за счет обнищания собственного народа»¹⁷. Газета *День* уверенно уточняла: «Без наших природных ресурсов всё нынешнее благосостояние Запада мгновенно рухнет»¹⁸.

Я понимаю, как легко сегодня посмеяться над этими мифами. Нелепость их очевидна. Хотя бы потому, что «благосостояние Запада» исчислялось десятками триллионов и вклад в них России был ничтожен. В 1992 году, однако, эти мифы были краеугольными камнями всей идеологии «партии реванша». Ими объяснялись не только воинственность «предостережения» претендентам на мировое господство, но и то, что по данным военных социологов в 92-м году «национал-патриотические» взгляды разделяли 70% офицерского корпуса российской армии.

«На штурм Кремля»

Вернёмся, однако, к политикам «партии реванша», предвкушавшим, как мы только что слышали, близкую и несомненную победу. В начале февраля *День* посвятил целую полосу репортажу с первого заседания «Теневого кабинета-93». Начинался репортаж так: «Стремительно надвигается новая схватка, пик которой придется на март-апрель, когда перегруппировка политических сил завершится, экономика будет разрушена, продовольственные запасы израсходованы. Предлагается выработать рекомендации для революционного движения на нынешний час и на то недалекое уже время, когда оппозиции придется нести бремя власти в разорённой, охваченной беспорядками дезинтегрирующейся стране»¹⁹. Курс на штурм Кремля был, как видим, взят.

Сегодня это может опять-таки показаться бредом. Но тогда было по-настоящему страшно. И вовсе не только мне. Тогда министр иностранных дел РФ публично признал, что «для России истекает последний веймарский год». Тогда известный либеральный журналист *Московских новостей* соглашался с Козыревым в статье «Либеральный испуг»: «Мне не кажется сенсационным вывод Андрея Козырева, чье интервью *Известиям* почему-то наделало шума, хотя для вдумчивых наблюдателей уже совершенно очевидно: то, что происходит сейчас у нас, похоже на 1933 год в Германии, когда часть демократов стала переходить на сторону националистов»²⁰. Тогда молодой американский аналитик, ныне советник президента Обамы, Майкл

¹⁷ Отвечает оппозиция. М.: Палея, 1992. С. 3.

¹⁸ *День*. 1992. 24-30 мая.

¹⁹ *День*. 1993. 7-13 февраля.

²⁰ *Московские новости*. 1992. 19 июня.

МакФолл писал без обиняков: «Инфляция больше не является в России врагом № 1. Фашизм является»²¹.

Я понимаю, как трудно сегодня во всё это поверить даже непосредственным участникам событий, не говоря уже о редакции журнала *Сноб*. Спросите хоть того же Проханова. Или Козырева. Но ведь это факт, подтвержденный документально. И мне нужно его сейчас зафиксировать лишь затем, чтоб не осталось сомнений: гипотеза о веймарской России действительно рождалась в другой стране.

А что же Запад?

Что делало тогда ситуацию еще более фантазмагорической, это индифферентность Запада. Никакого сравнения с сегодняшним переполохом вокруг Ирана, который лишь намеревается обзавестись ядерной бомбой и у которого даже в проекте нет межконтинентальных ракет. Тогдашняя Россия, ошестившаяся межконтинентальными ракетами, оснащенными тысячами ядерных боеголовок, должна была, казалось, вызывать тревогу несопоставимо большую. Особенно потому, что 70% её офицерского корпуса разделяли, как мы уже знаем, взгляды «партии реванша».

Ведь в той психологической войне, которую мы только что описали и которую, можно сказать, у нас на глазах выигрывали яростные ненавистники Запада, ничуть не менее фанатичные, чем иранские муллы, спор шел как раз о контроле над арсеналом ядерной сверхдержавы. Опять, как в веймарские времена, на кону стояли жизнь и смерть Запада. Но нет, словно оглох Запад.

Юный МакФолл был исключением. Он был в Москве, он говорил по-русски, он понимал, о чем был спор. Но и ему публиковать своё страшное прозрение пришлось в заштатном издании Стэнфордского университета²². Те, кто представлял мейнстрим американской политики, его не слышали. Им и в голову не пришло ни помочь Горбачеву в 1990 году, ни помочь Ельцину в 1992-м. Они были заняты другими вещами, более, по их мнению, важными – сначала Кувейтом, потом президентскими выборами.

Но, что еще хуже, колумнисты центральных газет просто не разумели, о чем, собственно, речь. Вот стандартный ответ, который приходилось мне от них тогда слышать: «Ну что, собственно, в России происходит? Буйствуют на улицах неонацистские хулиганы и бритоголовые? Но ведь это сброд. Он демонстрирует лишь склон-

²¹ McFaul M. The Specter of Russian Fascism: Recommendations for U.S. Policy // *Conversion*. 1994. № 3. January.

²² Там же. См. также: idem. Thwarting the Specter of Russian Fascism // *Demokratizatsiya*. 1993. Vol. 1. No. 2. P. 1-19.

ность к вандализму, причем склонность эта не столько от страсти, сколько от скуки, не столько от политических убеждений, сколько от дикарства». В отчаяние можно было прийти от таких рассуждений.

Отсюда серия цитат, которую привёл я в «Веймарской» России²³ в надежде – впрочем, тщетной – это рассуждение опровергнуть. Вот что думал об Америке выдающийся российский математик, в недавнем прошлом почетный американский академик, а в 1990-е ведущий идеолог «партии реванша» Игорь Шафаревич²⁴: «Нам противостоит очень агрессивная, безжалостная цивилизация. Центром ее является страна, начавшая с истребления своего коренного населения. Этот грех бродит в её крови и порождает Хиросиму и убийство 150 тысяч иракцев всего лишь для того, чтобы не поднялись немного цены на горючее для автомобилей. Страна, созданная эмигрантами, людьми без корней, чуждыми её ландшафту и её истории. Это цивилизация, стремящаяся превратить весь мир – и материальный и духовный – в пустыню, подобную лунному ландшафту. Только в рамках этой борьбы, где ставка – существование человечества, а может быть, и всего живого, можно расценить русский кризис»²⁵.

А вот бывший кумир европейских интеллектуалов, автор бестселлера *Зияющие высоты* Александр Зиновьев²⁶: «Запад хотел руками Гитлера разрушить Россию. Не удалось. Теперь Запад пытается делать то же самое под видом борьбы за демократию, права человека и прочее. Идёт война двух миров. На чьей ты стороне – вот в чем вопрос»²⁷.

Теперь слово одному из самых красноречивых идеологов «партии реванша», театральному режиссеру Сергею Кургиняну: «Действительный принцип политики Запада в отношении России – это неразвитие, неразвитие и еще раз неразвитие, а далее – опускание в "Юг". Но это позже, после экспорта мозгов, ликвидации ядерного оружия и вывоза высоких технологий. Нынешние процессы в нашей стране – это война против России»²⁸.

Вот, наконец, один из высших иерархов православной церкви, митрополит Петербургский и Ладужский Иоанн²⁹, опубликовавший в начале того же 1993 года посла-

²³ Янов А. После Ельцина.

²⁴ О Шафаревиче см.: Horvath R. The Spectre of Russophobia // The Soviet and Post-Soviet Review. 1998. Vol. 25. No. 2. P. 199-222.

²⁵ Наш современник. 1993. № 3. С. 159.

²⁶ О Зиновьеве см.: Кирквуд М. Понятие идеологии в творчестве Александра Зиновьева // Александр Александрович Зиновьев / Под. ред. А.А. Гусейнова. М.: РОССПЕН, 2009. С. 271-307.

²⁷ Наш современник. 1993. № 4. С. 74.

²⁸ Поле ответного действия. М.: Клуб Пост-перестройка, 1993. С. 34, 10.

²⁹ Об Иоанне см.: Slater W. A Modern-Day Saint? Metropolitan Ioann and the Post-Soviet Russian Orthodox Church // Religion, State and Society. 2000. Vol. 28. No. 4. P. 313-325.

ние к верующим под вполне светским названием *Битва за Россию*: «Против России, против русского народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная и беспощадная... Пришло время предъявить к оплате копившиеся веками счета»³⁰.

Я цитировал интеллектуалов высшей пробы. Никому из них нельзя было отказать ни в подлинной страсти, ни в политической убежденности. И в склонности к вандализму их тоже нельзя было заподозрить. Напротив, это они обвиняли своего врага, либеральный Запад, в вандализме, в том, что он, вспомним, «стремится превратить весь мир – и материальный и духовный – в пустыню». И в том, конечно, что он, Запад, ведёт против России беспощадную войну на уничтожение. Никто в Европе со времен гитлеризма не бросал Западу вызов такой нескрываемой, зоологической, если хотите, ненависти.

Смысл вызова состоял, по сути, в том, что, если Россия не ответит на вероломство Запада столь же беспощадной войной против него, какую он ведет против нее, она погибнет. В том, чтобы делегитимизировать Запад в глазах «патриотических» масс, представить его как сборище нелюдей, которых не грех и сжечь в пламени ядерной войны.

А Запад, что ж... Он даже и не пытался ответить на этот вызов. Он его просто не слышал, игнорировал, лепеча что-то про «уличных хулиганов, буйствующих от скуки». Вот такой обнаружился тогда когнитивный диссонанс³¹.

Результатов было два. О первом мы уже говорили: идеологам «партии реванша» удалось расколоть офицерский корпус российской армии. Вторым была еще более головокружительная и пугающая метаморфоза парламента страны, внезапно преградившего в 92-м дорогу демократической трансформации России.

Да, конечно, большинство в нём составляли «бывшие коммунисты». Но ведь совсем еще недавно именно эти «бывшие» выбрали Ельцина председателем Верховного Совета и твёрдо стояли рядом с ним, обусловив провал реваншистского путча в августе 91-го. Именно они вручили Ельцину чрезвычайные полномочия для проведения рыночной реформы. А в 92-м они стояли против нее стеной. Можете вы представить себе уличных хулиганов, способных на протяжении нескольких месяцев подчинить себе законодательное собрание страны?

Боюсь, российские либералы и по сию пору не простили Западу этот когнитивный диссонанс. И в частности, то обстоятельство, что, когда 28 марта 1993 года настал, как мы скоро увидим, «час X», обещанный миру «партией реванша», даже и не

³⁰ Цит. по: Новое время. 1993. № 13. С. 42.

³¹ См. также: Yanov A. Russian Nationalism in Western Studies: Misadventures of a Moribund Paradigm // Demokratizatsiya. 2001. Vol. 9. No. 4. P. 552-568.

заметил Запад, что лишь 72 голоса в парламенте отделяли её от контроля над арсеналом ядерной сверхдержавы.

Когда 1 августа 93-го в *Нью Йорк Таймс* появилась редакционная статья «Новая Русская империя?», я поначалу грешным делом подумал, что лидеры американского общественного мнения, пусть и с запозданием, разобрались, наконец, в том, что происходит в России. Увы, по мере того, как я ее читал, становилось ясно, что когнитивный диссонанс продолжается. «Если националисты», – говорилось в статье, – «сумеют направить крупнейшее в Европе государство с самым большим на континенте военным и ядерным арсеналом на курс экспансионизма, перспективы международной безопасности могут трансформироваться за одну ночь»³².

Золотые слова! Но что же нам по этому поводу делать? Как спасти ситуацию? «Вашингтон», – рекомендовала газета, – «может использовать как пряник, так и кнут, чтобы помочь м-ру Ельцину отбить натиск националистов». Какой, однако, кнут? «Нужно ясно предупредить националистов, что продолжающееся военное вмешательство в политику нерусских республик может привести к экономической изоляции России»³³. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Да при чем здесь «нерусские республики», когда именно Западу угрожали русские националисты? И, главное в ситуации, когда миф, будто Запад держится на плаву исключительно благодаря ограблению России, господствовал, как мы видели, в умах этих националистов? Ведь именно о том, чтобы удушить Запад посредством *его* экономической изоляции от России они и мечтали! И эту их мечту *Нью Йорк Таймс* называла «кнутом»? Что же в таком случае имела она в виду под «пряником»? Нет, по-прежнему совсем ничего эти люди не понимали в том, что происходило в России.

Уж как, казалось бы, популярно объяснял им тот же Баркашов, что «наших собственных ресурсов вполне хватит для автономного развития на случай любого экономического бойкота со стороны Запада»³⁴. Как терпеливо он повторял, что именно Запад такого бойкота не переживёт! Вот смотрите: «В результате прекращения поставок нашего сырья в США и на Западе наступит резкий спад производства, что повлечет за собою неслыханный экономический кризис». Более того, он, как и вся «партия реванша», ни минуты не сомневался, что в этом случае «*выхода из кризиса для США не будет* [выделено автором]. Сотрясаемые классовыми и социальными волнениями они скорее всего развалятся на ряд небольших государств... Когда это

³² The New York Times. 1993. 1 August.

³³ Там же.

³⁴ День. 1992. 24-30 мая.

произойдёт, в мире останется только одно самое могучее государство... Впереди эра России – и она уже началась»³⁵. Теперь понятно?

Провал «часа X»

Поторопился, однако, Баркашов с «эрой России». Как и Кургинян с Жириновским. Да, «час X» начался, как они и обещали, 28 марта 1993 года. Да, в этот роковой день большинство Верховного Совета действительно проголосовало за импичмент президенту. Да, было страшновато. Да, Егор Гайдар, исполнявший обязанности председателя первого правительства Ельцина, провёл этот день, по его собственному признанию, в ожидании ареста.

Но в этот же день закралось в моё сознание первое сомнение в правильности веймарского сценария, на котором, как мы помним, настаивали Козырев, *Московские новости* и МакФолл. Закралось потому, что разрекламированный «штурм Кремля» провалился. Как мы уже знаем, 72 голосов не хватило. Решено было вынести вопрос о доверии президенту на всенародный референдум.

Что-то у «партии реванша», еще вчера казавшейся всемогущей, не клеилось. Она рассчитывала на энтузиазм «патриотических» масс. Но оказалось вдруг, что воинственное настроение этих масс почему-то не совпадало с настроением большинства нации? Тут бы «партии реванша», да и нам всем, перепуганным либералам, как раз и задуматься.

Но мы не задумались. И уж тем более не задумалась «партия реванша». Она продолжала верить в свое всемогущество, уверенная, что референдум она выиграет. Как писал бывший демократ, «перебежчик» Михаил Астафьев, «поражение Ельцина повлечет за собой его уход с политической арены... Ельцин не выиграет референдум, даже если его сторонники и попытаются подтасовать результаты голосования. Если же Ельцин откажется признать результаты голосования, депутаты вновь прибегнут к процедуре отрешения его от должности. Ельцин утратил ореол политической неприкосновенности и должен получить то, что он заслужил»³⁶.

Но Ельцин выиграл референдум. Голосов «патриотических масс» опять не хватило. Разочарование в рядах «партии реванша» было колоссальным. Но руки она не опустила. Просто сменила парламентский вариант захвата власти на силовой. Результатом был еще один, октябрьский штурм, на этот раз Белого дома, московской мэрии и телевизионного центра в Останкино. Большинство Верховного Совета

³⁵ Там же.

³⁶ День. 1993. 4-10 апреля.

(несогласные покинули зал заранее) Ельцин был низложен, новым президентом провозглашен генерал Руцкой (бывший вице-президент), который в окружении других генералов (Ачалова, Филатова, Макашова) призвал армию и народ восстановить «конституционный порядок». Поставила-таки страну «партия реванша» на грань гражданской войны.

Что было дальше, видели все – кто вживе, кто по телевидению. Вопреки призыву мятежных генералов, деморализованная армия не пришла на помощь осажденному в Белом доме «охвостью» Верховного Совета. Народ не пришел тоже. Чернорубашечники Баркашова со своими снайперскими винтовками не были, конечно, ровней танку, обстрелявшему верхние этажи здания. Запаниковавшие депутаты предпочли капитулировать. И потянулись – сдаваться. Гражданская война в России была предотвращена, угроза ошеломленному Западу ликвидирована – без всякого участия Запада, так никогда толком и не понявшего, что, собственно, произошло.

Интермеццо

Три сокрушительных поражения «партии реванша» на протяжении полугода – неудача мартовского импичмента, провал апрельского референдума, капитуляция октябрьских мятежников – дают нам, казалось бы, все основания остановиться, оглянуться, перейти к аналитической части нашего интервью. Короче, попытаться ответить на главный интересующий нас вопрос: почему аналогичные вроде бы события привели в России к совсем другому результату, нежели тот, к которому привели они в Германии? И что объясняет нам это по поводу будущего?

«Вот-вот,» – перебила меня собеседница из *Сноба*, – «именно об этом я и хотела бы вас спросить. Ну хорошо, Вы убедили меня, что Россия 1992-93 годов была совсем не похожа на нынешнюю. Что впад на некоторое, пусть недолгое время в своего рода "веймарскую судорогу", превратившись в своего рода Русский Веймар, она, в отличие от Германии 1930-х, самостоятельно, как Вы настойчиво подчеркиваете, от неё излечилась. И тем не менее оказалась она все-таки на такую судорогу способна. Вы сами не оставили в этом ни малейшего сомнения. Так застрахована ли страна от её рецидивов, едва чугунная плита, которой накрыл российскую политику режим Путина, будет отодвинута? Разве весь этот неонацистский вандализм, с которого мы начали наше интервью, все эти писатели и художники-лауреаты и сочувствующие их эскападам партийные бонзы, разве сегодняшние нацистские марши так уж ничего и не имеют общего с тем "предвеймарским", если хотите, временем 1953-1985 годов, когда страна тоже была накрыта чугунной крышкой советской власти, со всем тем, в частности, что подробно описано в книге Николая Митрохина *Русская пар-*

тия³⁷? Так почему же – перед лицом всех этих фактов – Вы торопитесь отречься от собственной гипотезы? Не рано ли?»

Что говорит нам история?

Нет, не думаю, что рано. И раз уж Вы апеллируете к отечественной истории, давайте углубимся в неё еще немножко. Вспомним, ведь удивительная безрезультатность того, что Вы назвали «Русским Веймаром» 90-х годов, вовсе не была новостью для России XX века. Точно такое же поражение потерпел в 1905-1917 и первый Русский Веймар, хотя и готовился к своему «часу X» больше полувека после Крымской войны (эта его подготовка очень подробно описана во втором и третьем томах моей трилогии³⁸).

Кульминацией его было черносотенное движение, тоже, между прочим, «партия реванша». Его ведущая организация Союз русского народа была, если верить воспоминаниям его шефа Николая Евгеньевича Маркова, «построена на тех же основаниях, на которых 17 лет спустя построился итальянский фашизм»³⁹. И это была сильная организация. По словам французского посла в Петербурге Жоржа Луиса, «Черносотенцы управляли Россией и правительство им подчинялось, поскольку знало, что им симпатизирует царь»⁴⁰.

Короче, вопреки тому, что принято о них сейчас думать, это была несопоставимо более грозная сила, нежели сегодняшние неонацисты и художники-лауреаты. Кстати, если уж говорить о культурной сцене тех лет, то очень подробные сведения о ней сообщил нам известный советский апологет черносотенства В.В. Кожин. Согласно ему, сочувствовали его тогдашним единомышленникам виднейшие деятели русской культуры. Вот список Кожина: «Один из авторитетнейших филологов академик К.Я. Грот, знаменитый историк академик Н.П. Лихачев, один из крупнейших медиков профессор С.С. Боткин, великая актриса М.Г. Савина, известный византист академик Н.П. Кондаков, поэты Константин Случевский и Михаил Кузмин, живописцы Константин Маковский и Николай Рерих, один из корифеев ботаниче-

³⁷ Митрохин Н.А. Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953-1985. М.: НЛО, 2003.

³⁸ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921.

³⁹ Марков Н.Е. Войны темных сил. 2 тт. Париж: Изд-во Светлейшего Князя М.К. Горчакова, 1928. Т. 1. С. 131.

⁴⁰ Цит. по: Laqueur W. Black Hundreds: The Rise of the Extreme Right in Russia. N.Y.: HarperCollins, 1993. P. 19.

ской науки (впоследствии президент Академии СССР) В.Л. Комаров, выдающийся книгоиздатель И.Д. Сытин и т.п. и т.п.»⁴¹.

Даже если Кожинов преувеличивал (за ним такое водилось) впечатляющее, согласитесь, созвездие. На самом деле куда более впечатляющее, нежели то, на которое Вы ссылались в начале нашего интервью. При всем этом остались в истории черносотенцы как мародеры и погромщики. И, конечно, убийцы: 80 человек были убиты во время погрома в Белостоке, 120 в Екатеринославе, 300 в Одессе, не считая тысяч покалеченных⁴².

Между тем происходили эти погромы с благословения многих церковных кругов и благодаря субсидиям от правительства. И «патриотическая» культурная элита, перечисленная Кожиновым, знала об этих убийствах (не могла не знать, все газеты писали), но странным образом даже не пыталась связать их со своими симпатиями к черносотенцам. Так выглядела «предвеймарская ситуация» в тогдашней России.

Между прочим, в том, что именно черносотенцы были «прямыми предшественниками современных правых», не сомневается даже официальный историк русского национал-патриотизма С.В. Лебедев, всемерно им сочувствующий. «Если какие-либо партии и можно было назвать всенародными, то это могли быть лишь черносотенцы»⁴³. Ибо только им «удалось мобилизовать на защиту традиционной Православной и Самодержавной России десятки тысяч людей и стать одной из движущих сил российской политической жизни»⁴⁴.

И что же? Чем закончился этот первый Русский Веймар? Разве не тем же, чем закончился в 1990-х второй? Союз русского народа был запрещен задолго до того, как пришли к власти большевики, лопнул как пузырь, наполненный нечистотами, в феврале 1917. Да ведь и к 1990-м русские националисты тоже, согласно упомянутому вами исследованию Н. Митрохина, готовились почти три десятилетия.

Но если так, то не резонно ли спросить себя, почему в обоих случаях тщательно подготовленные «национальные революции» в России завершились, в отличие от Германии, пшиком? Мы, конечно, очень подробно сейчас рассмотрим конкретные причины поражения второго «Веймара». И может быть, это всё же прольёт свет на то, почему моё отречение от собственной гипотезы не было преждевременным. Но для этого нам придется вновь окунуться в гущу событий.

⁴¹ Кожинов В.В. Загадочные страницы истории XX века: «черносотенцы» и революция. М.: Прима В, 1998. С. 24.

⁴² Laqueur W. Black Hundreds. P. 25.

⁴³ День. 1992. 24-30 мая.

⁴⁴ Лебедев С.В. Русские идеи и русское дело: национально-патриотическое движение в России в прошлом и настоящем. СПб.: Алетейя, 2007. С. 118.

Как завоевать большинство?

Отдадим должное националистам: немедленно после провала «часа X» их идеологи впервые задумались о том, почему большинство, как в Верховном Совете, так и на референдуме, за ними не пошло. Да, это большинство было жестоко травмировано полуголодными годами гласности и «шоковой терапией». Да, оно было глубоко оскорблено распадом империи, величие которой компенсировало в его сознании привычную советскую скудость жизни. Все это лидеры «партии реванша» знали, на это рассчитывали. Но оказалось вдруг, что этого недостаточно, чтобы побудить большинство нации последовать за нею. Чего-то не хватало. Но чего?

Может быть, дело было в том, что большинство просто устало от чрезвычайного возбуждения 1989-91, связанного с крушением советской диктатуры? Может быть, в том, что ни достойного будущего для его детей, ни спокойной и мирной жизни «партия реванша» ему не обещала, предлагая вместо этого еще более жестокую диктатуру и новую конфронтацию с миром? Так или иначе, спрос на её предложение оказался неожиданно ограниченным. И вдобавок еще никак не могли «патриотические» лидеры прийти к единому мнению, что конкретно следует им предложить большинству. Разброд был страшный.

Уже знакомый нам «коричневый» Александр Баркашов, начитавшийся модного и по сию пору эмигрантского философа Ивана Ильина, с солдатской прямоотой утверждал, что «спасительной для нашего государства является национальная диктатура»⁴⁵. Все, что сверх этого (и, конечно, экономического удушения Запада) его не занимало. «Белые» в лице лидера Национал-республиканской партии Николая Лысенко выглядели умнее. Они понимали, что одной диктатуры мало. Что нужна еще вдохновляющая национальная цель, способная повести за собой большинство. В конце концов, рассуждали они, знал это и учитель Баркашова «Адольф Алоизович» (Гитлер), когда провозглашал, что Германия может быть или великой или никакой.

Вот Лысенко и объясняет в статье «Цель – великая империя», что поднять Россию с колен может лишь «обретение ею мессианского статуса единственного в мире защитника национальных культур от космополитической американоидной экспансии, технотронного геноцида и потребительского вырождения»⁴⁶. Это, естественно, предполагало необходимость тотчас же «вступить в тотальную борьбу с Западом и прежде всего с США за интеллектуальное и технологическое лидерство».

Само собою разумеется, уверен был Лысенко, что такая тотальная борьба «потребует создания идеологии технотронного натиска, неизбежно выдвинет своих героев,

⁴⁵ Цит. по: там же. С. 124.

⁴⁶ День. 1993. 2-8 мая.

мучеников и поэтов»⁴⁷. Как и его идеологический наставник Сергей Кургинян, Лысенко, в отличие от Баркашова, полагал, что «нет и не может быть сильной организации без сильной и современной идеологии»⁴⁸.

Странным образом, однако, ни Лысенко, ни его наставник не спросили себя, действительно ли в условиях всеобщей нужды воспримет большинство как угрозу «потребительское вырождение» и выйдет ли в его глазах «тотальная борьба с Западом» условием достойного будущего для его детей. Дело, впрочем, было еще сложнее. Не возник перед ними и вопрос, захочет ли большинство вверить свою судьбу политическому движению, если одна его часть («белые») убеждена, что стране следует немедленно приступить к «технотронному натиску» на Запад, держась при этом подальше от коммунистов, а другая («красные») требует вместо этого столь же немедленно заняться восстановлением социализма (ассоциируемого в глазах того же большинства с прежней советской скудостью).

Сложность дела, увы, не исчерпывалась и этим. Ибо третий отряд оппозиции («коричневые») ратовал, как мы видели, за «национальную диктатуру» без евреев и коммунистов, а четвертый (вчерашние демократы, «перебежчики») – вообще за парламентскую республику с коммунистами и евреями. Нет, никак не совмещалось у оппозиции несовместимое.

Конечно, ее идеологи пытались убеждать друг друга. Но дальше анекдотов дело не шло. «Белый» Лысенко мог сколько угодно убеждать «коричневого» Баркашова, что Гитлер более надежный учитель для России, чем Иван Ильин. Но тот парировал, что и сам Ильин в свое время симпатизировал нацистской диктатуре и даже настойчиво рекомендовал русским эмигрантам не смотреть на гитлеризм «глазами евреев».

«Перебежчики», в свою очередь, содрогались, когда их новоиспеченный соратник провозглашал на весь свет, что он «наци». А каково было слышать всю эту ересь вперемежку с «буржуазными» парламентскими всхлипываниями председателю только что воссозданной Коммунистической партии России Геннадию Зюганову? Ему-то приходилось работать бок о бок и с «наци», и с «перебежчиками». Имея в виду, что поддаваться не хотел никто, можно представить себе, что это была за работа...

Ситуация складывалась так, что «патриотическая» оппозиция все больше и больше напоминала нечто вроде партизанского воинства, где штаб каждого отряда не покладая рук трудился над тем, чтобы ослабить союзников-конкурентов. С какой, помилуйте, стати одни партизанские командиры стали бы подчиняться другим, если их политические цели прямо им противоречили?

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Поле ответного действия. С. 13.

Да, национал-патриоты готовились к этому моменту десятилетиями, но когда он, наконец, настал, оказалось вдруг, что не готовы они к нему совершенно. Точно так же, как в 1917. Честно говоря, еще меньше. Весь накопленный идейный багаж сводился у них, как и до революции, к лозунгу «Россия единая и неделимая». А в 90-е добавилась к этому еще необходимость сотрудничать с коммунистами и с «перебежчиками», чего они решительно не умели. Даже не предполагали, что им придется с такими людьми сотрудничать. Да и между собою обнаружили они непримиримые, как мы видели, противоречия.

Нельзя сказать, что нацисты, когда шли в 1933 к власти (или большевики в 1917) были так уж свободны от фракционных конфликтов. Но по какой-то причине никогда не доводили их эти конфликты до той степени деморализации, что помешала бы им завоевать большинство. А вот «патриотическая» (или, если хотите, фашистская) оппозиция в России так и не смогла этого добиться – ни в 1917, ни в 1990-е. В чем же были причины их повторяющейся неудачи? Согласитесь, что не разобравшись в этом подробно, мы едва ли поймем самые глубокие основы моего отречения.

Проблема лидерства

Я думаю, что главных причин было четыре. Во-первых, неспособность выдвинуть общепризнанного харизматического лидера, которому согласились бы беспрекословно подчиниться все фракции оппозиции, неспособность, иначе говоря, превратиться из партизанской вольницы в регулярную армию. Во-вторых, неспособность предложить привлекательные для большинства национальные цели. В-третьих, столь же хроническая неспособность выработать то, что сами оппозиционеры называли «непротиворечивой идеологией». И в-четвертых, наконец, свирепый антиинтеллектуализм «патриотических» масс и вытекающее из него неизлечимое недоверие к элите оппозиции.

А теперь пойдём по порядку. Начнем с первой попытки коронации, так сказать, русского *Il Duce* (теперь напрочь забытой). Начнем еще и по той причине, что она тотчас нам продемонстрирует: попытка закончилась неудачей не потому, что «патриотическая» общественность не хотела общепризнанного лидера – она мечтала о нем как о спасителе, – а потому, что Муссолини в России оказался просто напросто невозможен.

Так или иначе, началось действие 12-13 июня в Колонном зале Дома Союзов, самом престижном из дворцов в центре Москвы (в том самом, где прощались со Сталиным). На первый съезд Русского национального собора (РНС) съехались 1250 де-

легатов от 117 городов и 62 политических организаций из всех республик бывшего СССР. Блистали в президиуме все звезды «патриотического» небосклона. Зрелище в зале было не менее впечатляющее, пиджачные пары парламентариев перемежались с черными сутанами священников, экзотические казачьи черкески с золотопонными мундирами генералов. В первых рядах клубился оппозиционный бомонд: знаменитые писатели перешептывались с еще более знаменитыми режиссерами и тележурналистами. С трибуны призывали к свержению «правительства измены» и «оккупационного режима».

«Факт налицо», – уныло констатировали *Московские новости*, – «в полку национал-патриотов прибыло»⁴⁹. 16 июня Югославское телеграфное агентство распространило комментарий своего корреспондента в Москве, где в частности говорилось: «Кто присутствовал на съезде Русского национального собора, не может больше утверждать, что оппозиция не взяла бы в свои руки власть, если бы выборы состоялись завтра»⁵⁰.

«Русский собор выбирает третий путь!» – провозгласила газета *Правда*⁵¹. *День* согласился с этой оценкой. Третий путь означал, что новое «соборное» правительство России выступает одновременно как «против интернационального коммунизма, так и против космополитической западной демократии»⁵².

Чтобы подчеркнуть солидность мероприятия, Собор открывал знаменитый ученый, член-корр. Академии наук СССР Игорь Шафаревич. И приветственное слово его было обращено к новоявленному спасителю «патриотической России», бывшему генералу КГБ Александру Стерлигову.

Месяцы спустя репортер *Дня*, интервьюируя разочарованного Шафаревича, так объяснил тогдашнее отношение осчастливленных «патриотов» к долгожданному кумиру: «Он казался единственным профессионалом, способным на решительные, радикальные действия»⁵³. Ситуация, согласитесь, более чем пикантная: бывший диссидент Шафаревич доверял спасение России профессиональному гебешнику. Но разочарование было потом, а тогда...

Тогда крупнейший в ту пору московский предприниматель писал: «Я хорошо отношусь ко многим политикам оппозиции, но генерал Стерлигов – единственный, кому я верю безоговорочно»⁵⁴. Ничто, казалось, не могло тогда омрачить репутацию

⁴⁹ *Московские новости*. 1992. 19 июня

⁵⁰ Бюллетень ИТАР-ТАСС. 1992. 16 июня.

⁵¹ *Правда*. 1992. 16 июня.

⁵² *День*. 1993. 19-25 июня.

⁵³ *День*. 1993. 1-9 января.

⁵⁴ *День*. 1993. 18-24 апреля.

человека на белом коне, пришедшего спасать Россию и ставшего на мгновение «символом преодоления исторического раскола страны на красных и белых»⁵⁵.

Закат новой «звезды»

Увы, момент Стерлигова длился недолго. Ошибка его заключалась в том, что он поверил в свою судьбу русского Муссолини. И не понял, что копать под него начнут немедленно. И многие. И предлог свалить нового кумира найдется очень быстро. Тем более, что лето сменилось осенью – и перед оппозицией встали новые вопросы.

Падение «правительства измены» считалось к тому времени делом предрешенным. Но что потом? Устранив Гайдара, развивать успех, попытавшись свалить самого Ельцина? Или предложить Ельцину компромисс – заменить «правительство измены» коалицией, составленной главным образом из гебешников Стерлигова, но слегка разбавленной статистами из «Гражданского союза»?

Гитлеру такой маневр удался. Он не пошел против президента Гинденбурга. В январе 1933-го он предложил ему именно коалиционное правительство – и выиграл (быстренько избавившись от «коалиционных» партнеров). Вдохновленный, надо полагать, этим примером и вообразив себя единоличным вождем оппозиции (что после июньских торжеств казалось совершенно естественным), Стерлигов предложил Ельцину сделку: коалиционное правительство в обмен на неприкосновенность его президентства. Чего он не принял в расчет, это агрессивного настроения «патриотических» масс, искусно раздуваемого его соперниками – как «белыми», так и национал-большевиками. Те требовали свержения «оккупационного режима», а не одного лишь «правительства измены». Одно слова меняло всю диспозицию. Эта разница и сгубила Стерлигова.

Темпераментный Эдуард Лимонов, сегодня вроде бы озабоченный исключительно защитой прав человека, тогда рвал и метал. «Мы не хотим вашу либерально-демократическую интернациональную Россию», – провозглашал он со страниц *Дня*, – «нам нужна национальная Россия, от Ленинграда до Камчатки только русский язык и русские школы. Мы хотим русифицировать страну национальной революцией»⁵⁶.

Никто еще не сформулировал до этого столь графически, что на самом деле «национальная революция» означала в устах оппозиции гражданскую войну. Можете Вы себе представить, сколько крови понадобилось бы пролить, чтобы в России с ее двенадцатью языками отнять у татар, у башкир, у черкесов – о чеченцах я уж и не

⁵⁵ Александр Стерлигов (Серия «Жизнь замечательных россиян»). М.: Палея, 1992.

⁵⁶ День. 1993. № 23.

говору – их родной язык? А «красно-белый» Сергей Бабурин поддакивал, предлагая «вспомнить о русской миссии, о тайном судьбоносном предназначении нашего народа»⁵⁷.

Еще бóльшим сюрпризом для Стерлигова стало то, что и «перебежчики» решили играть против него ва-банк. Им нужна была голова «предателя» Ельцина, а вовсе не какая-то вшивая коалиция под его эгидой. И они немедленно занялись созданием конкурирующей объединительной организации – Фронта национального спасения.

Стерлигов решительно не видел надобности ни в каком таком фронте. Но он недооценил энергию и коварство своих вчерашних союзников. Да, Гитлер мог позволить себе «коалиционный» маневр. Но что позволено Юпитеру... А Юпитером Стерлигов для них, как выяснилось, не был.

Он сделал последнюю судорожную попытку объявить Фронт составной частью своего Собора. Но лидер «перебежчиков» Илья Константинов и слышать об этом не захотел. Он ведь шел не только на штурм Кремля, он шел на перехват лидерства.

И 24 октября в Парламентском центре России он продемонстрировал стране еще более внушительное зрелище, нежели Стерлигов в июне. На открытие Фронта съехались 1428 делегатов от 103 городов и 675 гостей. Присутствовало также 270 аккредитованных журналистов, 117 из них от зарубежных агентств и журналов. Новым спасителем России был провозглашен Константинов.

Мы уже знаем, что ждала его судьба предшественника, но он, сиюминутный триумфатор, естественно, об этом не подозревал. И, прислушавшись к советам Лимонова и Бабурина, взял обреченный на поражение курс на конфронтацию с «главарем оккупационного режима».

А Стерлигов что ж, с ним случилось то, что всегда случается с низложенными вождями: он был разжалован из генералиссимусов в рядовые и вдобавок еще заклеямен «раскольником»⁵⁸. Оба сопредседателя Собора Геннадий Зюганов и Валентин Распутин вместе со всеми членами Президиума РНС, включая Баркашова, публично отмежевались от «недопустимого заявления Стерлигова, на которое никто его не уполномочивал»⁵⁹.

Так закатилась звезда вчерашнего спасителя России, оказавшаяся на поверку лишь мимолетным метеором. И самым, наверное, обидным для него было отречение академика Шафаревича, всего лишь три месяца назад воспевавшего его как «единственного профессионала», способного спасти страну. Теперь Шафаревич неожиданно вспомнил, что Стерлигов «работал в пятом управлении КГБ, боролся с

⁵⁷ Элементы. 1992. № 2.

⁵⁸ Коммерсант-Daily. 1992. 5 ноября

⁵⁹ Цит. по: Гельбрас В. Кто есть кто: политическая Москва. М.: Catallaxy, 1993. С. 493.

инакомыслящими. Может, и я был его подопечным». И заключил, что «надежда на генерала была жизнью опровергнута»⁶⁰.

Конец «национальный революции»

Со сменой лидера переменился и персонал на оппозиционном Олимпе. Вместо гебешных мордovorотов Стерлигова замелькали «люди в жилетках» (выражение Проханова), элита, можно сказать, оппозиции. Место закулисных переговоров заняли парламентские процедуры. Только вот веяло от этих людей чем-то странным. Я даже не понял поначалу чем: то ли неуверенностью в себе, то ли... элементарным страхом. Нет, не перед властью, у них не было сомнений, что к весне они уже будут у руля. Но тогда перед чем же? Прошло некоторое время прежде, чем я догадался: эти люди отчаянно боялись своей собственной политической базы, «патриотических» масс.

Впервые заметил я это еще в феврале 1992 на широко разрекламированной встрече оппозиционной элиты с массовой аудиторией в кинотеатре «Россия», где несчастные «перебежчики» Виктор Аксютин и Михаил Астафьев походили не столько на укротителей «патриотических» львов, сколько на христианских девственниц, брошенных им на растерзание. С тех пор это ощущение странной жалости преследовало меня всякий раз, когда мне приходилось встречаться со многими лидерами оппозиции. Если в квартире или в офисе, где наш диалог записывался на пленку, появлялись неожиданные посетители, мои собеседники замолкали и бледнели, словно преступники, пойманные с поличным.

Помню, как ошеломило меня откровенное признание одного из них, с которым провели мы много часов, обсуждая будущее России. Оказалось, что мне не только нельзя обнародовать его мысли под его именем, но и сама наша встреча должна была оставаться секретом: «Если Вы кому-нибудь расскажете, что я у вас был, мне конец». «Да как же можете Вы», – ахнул я, – «позволить себе зависеть от этой, по Вашим собственным словам, "сволочи"?» Он лишь устало пожал плечами.

Как же, спрашивается, рассчитывали оппозиционные интеллектуалы справиться с фашистами в собственных рядах в случае, если оппозиция, не дай бог, победит? Как смогли бы они руководить будущей Россией, если уже тогда чувствовали они себя крепостными этой «сволочи», зависели от нее, приспосабливались к ее образу мыслей и молились ее богам?

⁶⁰ День. 1993. 1-9 января.

Впрочем, вопросы были риторическими. Победить им было не суждено. Лидерство Константинова окончилось сокрушительным поражением оппозиции на апрельском референдуме 93-го. И, разумеется, столь же позорным разжалованием вождя в рядовые. Уже на следующий день после референдума *День* разочарованно констатировал: «Сколько у нас было надежд на Русский национальный собор, на Фронт национального спасения! Но – увы. Надежды не оправдались. Нерешительность, демагогия и соглашательство оказались присущи всем этим организациям... Громко отдекларировав национальное спасение, спасти народ не стали – увязли в словоблудии»⁶¹. Тот же Лимонов теперь страстно звал на баррикады: «Старые методы оппозиции не годятся. Ясно, что не помогут уже ни прения в парламенте, ни фронты, ни соборы... мы все умрем без сомнения, если не поднимемся против своих врагов на национальную революцию»⁶².

Это было больше, чем разочарование в скомпрометировавших себя стратегиях. Это была пронзительная тоска по утраченной романтике баррикад, по высокой драме революционного действия, вытесненной скучными, усыпляющими парламентскими препирательствами «людей в жилетках», выдающих себя за оппозицию. В глазах мятежников эта «холодная война» выглядела вульгарной профанацией святого дела, той «жажды великой Реставрации, ради которой легко идти на смерть»⁶³.

Хуже того, это постыдное лицедейство лишь отвлекало «патриотические» массы от назревшей, по мнению авторов *Дня*, гражданской войны (она же «национальная революция», она же фашистский переворот), к развязыванию которой практически единодушно (за исключением разве что коммунистов) устремилась отныне оппозиция. Устремилась на этот раз ведомая очередным кандидатом в русские II Duce генералом Руцким, персонажем в глазах большинства скорее комическим и уж во всяком случае никак не пригодным на роль общепризнанного лидера.

Короче говоря, звала оппозиция «патриотические» массы на гражданскую войну, так и не обретя ни доверия большинства, ни, как мы скоро увидим, какой бы то ни было модели послевоенного, так сказать, обустройства России (если ни считать, конечно, лимоновского проекта тотальной русификации страны), ни, самое главное, общепризнанного лидера. Как это ни странно, при таком обилии претендентов, не нашлось в рядах «патриотической» оппозиции ни одного, пригодного на роль русского Муссолини. Не успевал он появиться, как его «съедали» свои же.

Как бы то ни было, таковы были обстоятельства, при которых Верховный Совет единогласно (оппоненты, как мы уже говорили, покинули зал задолго до голосо-

⁶¹ *День*. 1993. № 27.

⁶² *День*. 1993. № 23.

⁶³ Там же.

ния) провозгласил президентом страны Руцкого и призвал армию «восстановить конституционный порядок».

Само это обращение выглядело, согласитесь, образцом политической инфантильности. Ведь Верховный Совет был всего лишь советской пародией на парламент, по сути, воплощением СССР, отринутого Россией еще в 1991-м. Так какой, собственно, «конституционный порядок» призвал защищать Руцкой? Тот, советский, что декларировал фиктивное всевластие советов, или порядок новорожденной постсоветской России, у которой и не было еще никакой конституции, но которую представлял всенародно избранный президент? Выступить против президента в защиту советского по духу и происхождению учреждения означало практически идентифицировать себя с лозунгом «Назад в СССР!» Многие ли в оппозиции, за исключением Проханова и коммунистов, согласились бы с таким кощунством?

Едва ли удивительно поэтому, что никто, кроме толпы погромщиков во главе с откровенным черносотенцем генералом Макашовым да еще «коричневых», не откликнулся на призыв Руцкого.

Остальное, как мы уже говорили, мир видел 4 октября 1993 года по телевидению. Картина была удручающая. Понурой чередой тянулись, опустив головы, капитулировавшие «люди в жилетках» из обгоревшего и дурно пахнущего – там отключили канализацию – Белого дома (их «коричневая» гвардия, баркашовские чернорубашечники, ушли из него подвалами – через канализационные тоннели).

Так не состоялась в России «национальная революция»...

Время объясниться

До сих пор были примеры – совершенно конкретные и подробно документированные. С их помощью пытался я выяснить, почему невозможно в России ничего подобного тому, что произошло в 1920-е в Италии и в 1930-е в Германии. Ведь тут и вправду парадокс.

Все, казалось бы, что описывается термином «предвеймарская ситуация», в России было – и массовая ксенофобия, и уличная стрельба, и имперская ностальгия националистической интеллигенции, и пронзительная тоска по утраченной сверхдержавности, «фантомный наполеоновский комплекс», как назвал я его в трилогии⁶⁴. Все, короче говоря, что Вы так выразительно описали в начале нашего интервью.

Только вот главное, без чего не может быть и речи о фашистском перевороте, – русский Führer или на худой конец Il Duce не появлялся почему-то на сцене даже в

⁶⁴ Янов А. Россия и Европа. 1462-1921.

самом разгаре «предвеймарской ситуации» (разве что метеором – на три месяца, как Стерлигов, на шесть, как Константинов, и не угрожь сам себя Руцкой, едва ли удержался бы он в этой роли и две недели). Не получалось, короче, в результате русского Веймара. Почему?

Мимоходом мы все это уже обсуждали. Но до объяснения дело толком не доходило. Да, претендентов «съедали» свои же. Но почему те же свои не «съели» в Италии Муссолини, в Германии Гитлера? Объяснение между тем бьет в глаза.

В конце концов общепризнанный лидер есть лишь функция общепринятой идеологии. Прав, тысячу раз прав был Николай Лысенко, которого я цитировал, что «нет и не может быть сильной организации без сильной и современной идеологии». Увы, беда «патриотической» оппозиции состояла в том, что не только не было у нее такой идеологии, но и быть не могло. Мы уже видели, как разительно напоминала оппозиция лебеда, рака и шуку из басни Крылова. Но действительное объяснение этого лежит, кажется, глубже.

Похоже, Фукуяма был прав⁶⁵. Пусть частично. Пусть только в отношении Европы. По-видимому, и впрямь невозможно больше в Европе – после итальянской, германской и советской экспериментальных попыток изобрести действующую альтернативу демократическому миропорядку, попыток, каждая из которых завершилась национальной катастрофой – создать еще одну такую альтернативу. А ведь именно её, вспомним, эту альтернативу «интернациональному коммунизму и космополитической западной демократии» и пытались создать идеологи оппозиции.

Другое дело, упустил из виду Фукуяма, что мир уже давно вступил в постколониальную эру и встала на собственные ноги Азия, не имеющая европейского катастрофического опыта и не обретшая иммунитета к фашизму. Ничто поэтому не мешает Китаю, Ирану или Аль-Каиде, если ей удастся захватить власть где-нибудь в Пакистане или в Йемене, выдвинуть свои альтернативы демократическому миропорядку. В этих странах, в случае возникновения «предвеймарской ситуации», фашистский переворот, вероятно, возможен.

Но у нас-то речь о России, европейской, что бы о ней не говорили, стране. И поэтому, рассматривая усилия идеологов «патриотической» оппозиции под углом зрения сегодняшней реальности, мы совершенно отчетливо видим, что ничем иным, кроме жалкой межеумочной «суверенной демократии» путинского режима⁶⁶, бесконечно далекой от их идеалов, завершиться эти усилия не могли.

⁶⁵ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ «Ермак», 2004.

⁶⁶ Казанцев А. «Суверенная демократия»: структура и социально-политические функции концепции // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2007. Т. 4. № 1. <<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/5Kazancev.pdf>>.

Нет слов, они в ужасе отшатнулись бы от всякого, кто сказал бы им два десятилетия назад, что дело закончится таким, с позволения сказать, пшиком. Они мечтали о будущей России схожей по своим основным параметрам с чем-то вроде «италианского фашизма», говоря словами лидера дореволюционных черносотенцев Николая Маркова. Ирония, однако, в том, что не додумались они даже до «суверенной демократии». Вообще ни до чего, честно говоря, не додумались.

И самое главное, не могли додуматься. Не могли потому, что не было между ними согласия даже в самых фундаментальных вопросах, которые так и не удалось решить национал-патриоты за все три десятилетия своей «предвеймарской» подготовки. Вот это и остается мне в заключение этого интервью показать.

«Русский путь»

Мог ли в самом деле быть серьезный разговор о «русском пути» и «национальной революции», если никак не могли «патриоты» договориться о том, что такое, собственно, русская нация? Должна она быть этнически чистой или, поскольку Россия, в отличие от Германии, страна все-таки многоэтническая, смешанной? А если смешанной, то с кем? Со славянами, с украинцами и белорусами, как объяснял (не спрашивая, впрочем, украинцев и белорусов) Александр Солженицын? Или, наоборот, с тюрками-мусульманами, как настойчиво проповедовали евразийцы (*День* даже специальную евразийскую полосу завел в каждом номере)?

А ведь без ответа на этот монументальный вопрос нельзя было договориться ни о «русском пути», ни даже просто о границах будущей, приснившейся «патриотическим» идеологам России. Это правда, что в границах, возникших в результате распада СССР, не мыслила её ни одна из фракций оппозиции (и по сей день, заметим в скобках, не мыслит. Вот крик души сегодняшнего националиста Павла Святенкова: «Наша страна всё еще является лишь окровавленным обрубком СССР»⁶⁷). Но отнюдь из этого не следовало, что согласны они были в том, где эти границы должны проходить.

Следовало ли стремиться к проекту Большой России, т.е. с Украиной и Белорусией, как настаивали Баркашов и Лысенко (вместе, разумеется, с Солженицыным)? Или к проекту Великой России в границах бывшего СССР, как полагали «красно-белый» Проханов и, конечно, коммунисты? Или еще шире, к присоединению всех территорий дореволюционной России, включая Польшу и Финляндию, а заодно и

⁶⁷ Святенков П. Россия как антипроект // Агентство политических новостей. 2006. 21 мая. <<http://www.apn.ru/publications/article1855.htm>>.

Ближний Восток, как требовал Владимир Жириновский? Или вообще должна стать Россия ядром и первоосновой «великого евразийского пространства» – от Дублина до Владивостока, как убеждал читателей Александр Дугин?

И какой должна она быть, это новая «патриотическая» Россия – секулярной или православной? «Технотронной» или аграрной? Христианской или языческой? Представьте себе, что даже такой, пришедший, казалось бы, из далекого догосударственного прошлого страны вопрос, разрывал оппозицию на части. Вот пример:

Плечом к плечу с уже известным нам РНЕ Баркашова стояла Русская партия Корчагина. Смотрели они на вещи практически одинаково. Обе «коричневые». Обе ненавидели своих «красных» союзников (Баркашов даже искренне обижался, когда его называли «красно-коричневым»: «Мы просто коричневые без всякого красного оттенка»⁶⁸). Обе были уверены, что все беды России от евреев («сионистов»). Обе считали, что «террор советской власти был не классовым, а носил чисто расовый характер и преследовал цель уничтожения русского народа как носителя генотипа белой расы»⁶⁹. Во всем, в чем большинство в России винило коммунистов, а потом «реформаторов», Баркашов и Корчагин единодушно винили евреев. Более того, и коммунисты были для них, собственно, евреями. Короче, не было у них разногласий ни в чем. Даже в том, что официальная православная церковь «стала прибежищем сатанизма»⁷⁰.

Что в таком случае, казалось бы, делить этим людям? Им-то почему было не показать пример всем остальным, насмерть переругавшимся между собою фракциям оппозиции, объединившись под общим «просто коричневым» знаменем? Не тут-то было, однако. Ибо Корчагин и его партия были язычниками, убежденными, что «христианство, проповедующее идею богоизбранности израильского народа, есть еврейская идеология». И предпочитали они поэтому «содействовать возрождению Русской веры, где под Богом понимается Природа»⁷¹. Ну что тут поделаешь, если Баркашов, наоборот, объявил себя православным фундаменталистом. Так и не состоялся «союз коричневых».

Да и только ли этот союз не состоялся? Вспомните хоть историю прогремевшего в конце 1980-х (и изрядно напугавшего публику) национально-патриотического фронта «Память». Могло показаться (и многим показалось), что в разгар Перестройки возродился вдруг недоброй памяти Союз русского народа. Историки, конечно, знали, что не прошло и нескольких лет после создания этого Союза, как развалился он на части, каждая из которых рассматривала другие как отступников от подлинно

⁶⁸ Интервью с Баркашовым.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Цит. по: Гельбрас В. Кто есть что: политическая Москва. С. 424.

«патриотического» дела, а значит как врагов Отечества. Но публика-то об этом не знала. Публика, как и сейчас, опасалась призрака.

«Память» ожидала участь, по сравнению с которой распад Союза русского народа должен был показаться игрушечным. Уже в начале 90-х существовало десять(!) «Памятей». Родоначальница их всех, предводительствуемая фотографом Дмитрием Васильевым, та самая, которой обязаны мы Александром Дугиным и Александром Баркашовым, очень скоро исключила из рядов обоих – за отступление от партийного символа веры «монархического фашизма», а затем и своих основателей братьев Поповых (за «национал-коммунизм»).

Это, впрочем, не помешало новому фронту «Память» во главе с Николаем Филимоновым исключить из рядов самого Васильева. Что в свою очередь не удержало третий фронт «Память», возглавленный Александром Кулаковым, от исключения Филимонова. И так это все продолжается и по сей день. Какая-то... надцатая «Память» существует и сейчас во главе с неким Георгием Боровиковым, о котором уже и вовсе никто не слышал. Боятся сегодня других национально-патриотических фронтов, таких, например, как Движение против нелегальной иммиграции (ДПНИ) или «Русский Образ». И эти ведь тоже враждуют.

Можно ли сомневаться, что ждет их та же судьба, что и грозную некогда «Память». Нет, не приживается, как видим, в России «Союз русского народа». Не вытанцовывается у «патриотов» объединительная идеология. Как не умели, так и не умеют они между собой договариваться.

Вот так выглядит «веймарская» метафора, если присмотреться к ней поближе – в особенности с документами в руках. Я, как видите, присмотрелся. И стоит ли после этого удивляться, что я от своей метафоры отрекся?

Не стоит, наверное, удивляться и тому, что журнал *Сноб* наше с Е.Е. интервью печатать отказался...